

АНДРЕЙ ДОРОФЕЕВ

**ХРОНИКИ
ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО
КАБИНЕТА**

Андрей Александрович Дорофеев
Хроники психотерапевтического кабинета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11302522

ISBN 978-5-4474-1669-0

Аннотация

Иван Васильевич – скромное и дружелюбное «светило столичной психотерапии». И что с того, что у него нет диплома престижного ВУЗа? Зато все тайны жизни приветливо распахивают свои двери перед ним и его благодарными пациентами! Сколько житейской мудрости было передано миру этим пытливым и добродушным человеком!

Прочитайте эти рассказы, проживите их, посмотрите на жизнь с другой стороны – и да не останетесь такими, какими были прежде.

Содержание

Суть жизни	5
Непонятое слово	10
Гнев белого ангела	16
Человек, у которого не было проблем	28
Стена	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Хроники психотерапевтического кабинета

Андрей Александрович Дорофеев

© Андрей Александрович Дорофеев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Суть жизни

Сегодня Иван Васильевич встал раньше будильника. Несмотря на середину зимы, в окно светило солнышко, создавая на ковре у кровати пылающую ярко-желтую жизнерадостную полосу. Вопреки обыкновению, захотелось выскользнуть из-под одеяла, лечь прямо на нее калачиком и греться, мурлыкая, как кот.

Он встал, накинул махровый халат, и чудо не кончилось – полоска преследовала его и на кухне, выходящей на ту же сторону, что и комната. Журчание воды из-под крана и kloкочущие позывные чайника еще более придали утру жизни. «Вот оно, счастье», – блаженно попивая чай с баранками, подумал Иван Васильевич, – «день сегодня будет на редкость приятным».

В этот момент счастье закончилось.

Заспанная теща хмуро зашла на кухню, рывком схватила чайник с остатком кипятка и вышла. Во всех ее движениях сквозило осознанное намерение сообщить зятю, что она оскорблена, виноват, разумеется, зять, разговаривать она не собирается и будь проклят тот день, когда у ее дочери были настолько закрыты глаза, что она вышла замуж за социального работника. У которого даже и квартиры-то своей нет.

Эти мысли Иван Васильевич смог «прочитать» благодаря вчерашнему инциденту.

Вечером он, как и всегда, пришел поздно. Чмокнул жену у входа, снял ботинки и сразу, прямо в пальто, прошел на кухню включить чайник – на улице минус двадцать, и не выпить горячего чая было бы просто преднамеренным убийством организма.

Теща, обычно такая приветливая и бодрая, сидела на табурете у стола и хмуро смотрела на Ивана Васильевича. Явно предстоял разговор. Иван Васильевич решил не замечать грозового облака.

– Татьяна Николаевна, здравствуйте! – на лице Ивана Васильевича цвела улыбка.

Теща что-то пробурчала в ответ, Иван Васильевич не разобрал что. Но ввязываться в очередное разбирательство ему не хотелось. Он прошел в комнату к жене – она сидела за компьютером и смотрела какие-то фотографии – и приобнял за плечи. Валя с благодарной улыбкой оглянулась и продолжила свое занятие.

Иван Васильевич легонько покрутил ее на стуле.

– Что это сегодня с твоей мамой, недовольна чем-то?

– Вспомни – разве крючки в ванную уже прибиты? Она сегодня белье хотела повесить, увидела отсутствие крючков, пришла ко мне и начала высказывать, почему мой муж так безответственно относится к семье. Мол, на работе для него все родные, и к пациентам он относится лучше, чем к своим родным. Ну и так далее, ты же знаешь.

Иван Васильевич чертыхнулся. Он действительно забыл. Издавна в семье белье вешали на бельевых веревках, развешанных над высоким потолком кухни, но теща, увидев аккуратную бечеву в ванной подружки, потребовала от зятя такого же нововведения. Она уже и красивый красный моток нейлоновой веревки купила, но Иван Васильевич все никак не мог собраться, взять в руки дрель и просверлить несколько дырок в стене.

Однако идти и объяснять теще, что он сделает все это на выходных, уже не хотелось. Устал.

И вот – утро, второй акт вечернего спектакля. Иван Васильевич нехотя поднялся с табуретки и отправился бриться – пора было идти на работу.

В приемной его уже ждали – и кто! Лидка – подружка жены, сидит на потертой сидухе общественной тахты в таком виде, словно не к психотерапевту пришла, а на свидание. Одна копна волос чего стоит. Вот уж болтушка она! Бывало, придет к Ивану Васильевичу (а точнее

к Вале, жене) в гости, сядут они на кухне и трещат без умолку на такие темы, которые Ивану и не снились. На что только язык дан. Хорошо хоть, что обе некурящие.

Но на сей раз Лидка выглядела настроенной враждебно.

– Лида, привет! – удивленно поздоровался Иван Васильевич. – Ты ко мне пришла?

– Да, к тебе, Иван! – с вызовом произнесла Лидка, проходя после приглашающего жеста Ивана Васильевича к нему в кабинет. – Ты же специалист у нас, вот помоги мне. Я не знаю, как со Светкой разобраться, эта стерва меня достала! Я хочу убрать ее из моей жизни! Мне такие подруги не нужны!

Лидка чуть не плакала, ее лицо пошло красно-белыми пятнами, пальцы совсем измяли дорожку, мягкой кожи сумочку.

Иван Васильевич внутренне облегченно вздохнул – антагонизм Лидки был направлен не на него. Вообще-то странно – подумал он, – Лидка со Светкой подруги с детства не разлей вода.

– Ты представляешь, что натворила! Нет, я от нее такого не ожидала! Сволочь! Нет, ты подумай! Я бы про нее никогда так не подумала, она!!! Мерзавка, вот мерзавка!!! Ну ничего, вот в следующий раз...

Из последующего пятнадцатиминутного диалога Иван Васильевич смог вычленить основную мысль, которая состояла в следующем: дети Светки и Лидки, девочки семи и восьми лет соответственно, давно уже ночуют вместе то у Светки, то у Лидки. Играют там вместе. Светка, женщина серьезная, адвокат, решившая воспитать свою дочь совершенно не в розовом стиле, оказывается, запрещала девочкам смотреть мультики про Тома и Джерри, называя это «воспитанием в детях антипатриотизма, разложением личности и пропагандой насилия среди малолетних».

Лидка об этой стороне личности и действиях Светки, оказывается, не знала. Сама она дома поощряла девочек смотреть мультики о наглых животных, поскольку они «показывают, что надо быть умным, как мышка». Узнав о сих фактах, Лидка на повышенных тонах потребовала от Светки свободы детского самоопределения. Светка на повышенных же тонах посоветовала Лидке самоопределяться у себя дома и не на ее дочери. Из мышки Джерри был раздут слон, который за эту неделю вырос и вырос все больше.

К концу повествования Иван Васильевич сидел, вжавшись в свое черное директорское кресло, а Лидка трясла у него перед носом сумочкой, вся в слезах и размазанной косметике.

Ивану Васильевичу было все понятно. Он приказал Лидке сидеть тихо (та, как ни странно, послушалась и тихонько отпросилась в туалет подкраситься), а сам сидел и думал, почему происходит так, что в чужих людях мы сразу видим простейшее и известное еще со времен древнейших шаманов решение проблемы, которого никак не могут увидеть они. Мы так хорошо его знаем... А когда попадаем в ту же ситуацию сами, вдруг забываем об этом и «понимаем», что как раз в этой-то ситуации это решение нам и не подходит. Хотя это ложь! Совершеннейшая ложь! Есть практически универсальное решение проблемы – тысячу лет назад и сейчас, для бомжей и министров, для полумертвого алкоголика, валяющего в своей квартире с остатком еще не проданных за алкоголь вещей, и для священника, который к алкоголю и в жизни не притрагивался. Для ребенка и старика.

И главное, он сам – он сам, психотерапевт, поучающий других людей, как поступать! Что он сделал вчера и сегодня? Это же курам на смех! Как можно быть настолько слепым? Ладно. Иван Васильевич был не из тех людей, которые зависают в прошлых неудачах на всю последующую жизнь. Жизнь не позади – она впереди, вот девиз умного человека.

Лидка как раз пришла из туалета.

– Извини, Ваня, что так разревелась здесь. В этом мне никто не может помочь, сама справлюсь. Как дура, честное слово. Валюхе только не говори.

Но Иван Васильевич остановил ее.

– Постой-ка, Лида. Сядь. Дай мне Светкин телефон. Спасибо.

Иван Васильевич неторопливо набрал номер и после гудков немного устало поздоровался.

– Света, привет. Это Иван, Валин муж. Слушай, мне очень нужна твоя помощь. Да. Нет, в связи с Лидкой. Нет, нет. Большая просьба – приди сейчас ко мне, сможешь? Через полчаса. Хорошо, спасибо большое, жду.

– Лидочка, – обратился он к напряженно вслушивающейся в разговор Лидке, – я помогу тебе со Светкой. Подсобишь мне полчаса? Я уже третью неделю не могу разложить файлы клиентов по алфавиту – вон туда, в шкафчики.

Лидка пожалала плечами и в молчании занялась работой. А Иван Васильевич пошел выпить кофе.

Через полчаса в дверь вошла Светка и увидела подругу. Обе чуть шарахнулись друг от друга, состроив на лице маску холодного презрения и безразличия. Иван Васильевич лишь хмыкнул себе под нос.

– Ваня, привет! Что это она здесь делает? Я думала, мы одни решим это дело.

– Привет, Света. Вот мы одни и будем решать сейчас его, точнее, вы одни будете решать.

– Я с ней разговаривать не буду! – в один голос заявили Лидка и Светка.

– Ага, – только и ответил Иван Васильевич. Была у него рядом с его кабинетом комната, предназначенная для физиопроцедур, только давно под это дело не используемая. Стояла там некоторая техника и кушетка для массажа. Иван Васильевич встал, прошел к комнате, открыл ее ключом и сказал Свете. – Иди туда.

Светка подчинилась с некоторым вопросом в глазах и прошла. Иван Васильевич легко и вежливо взял не ожидавшую этого Лидку за руку, и провел ее до комнаты. Последние два метра ему пришлось толкать в ее спину – Лидка поняла, что сейчас будет.

– Иван, что это значит? – возмущенно начала Светка, но Иван и ухом не повел.

– Пообщайтесь, девочки, а общаетесь – я вас и открою, – только и произнес он и, закрыв за собой дверь, повернул ключ. И только после этого позволил себе рукавом белого халата вытереть пот со лба.

Иван Васильевич пригласил следующего пациента – грузного мужчину, от которого хотела сбежать дочь, а пока слушал его, время от времени обращал внимание на комнату.

Первые две минуты в дверь раздавался настойчивый стук и слышался приглушенный Светкин голос: – Иван!

Мужчина растерянно оглядывался и, наконец, спросил, что происходит. Иван Васильевич сказал, что это особый вид лечения – коммуникативная терапия. Мужчина не удовлетворился этим, но спрашивать перестал.

После этого, когда девушки, видимо, поняли, что их не выпустят, пять минут в комнате царил полная тишина.

Тут, наконец, Иван Васильевич начал различать ругань. Сначала робкая, вполголоса, но с чувством. Кто-то кому-то что-то доказывал, этот второй издевательски возражал. Ругань нарастала, и стали слышны отдельные фразы.

– Ты мне всех детей испортишь, да как ты имела право...

– Ты мне про права-то свои не вспоминай – я сама свои права лучше тебя знаю!

– Чтоб я твою дочку у себя не видела!!! Сама воспитывай как хочешь, только потом не говори мне...

– Да пошла ты, стерва!!!

И так далее, и так далее, пока перепалка не достигла апогея, когда ругательства, уже не стесненные общественными рамками, были слышны, наверное, в соседнем здании. В дверь зашел врач из соседней консультации и встревоженно спросил, может ли он чем-то помочь. Иван Васильевич с трудом улыбнулся ему и сказал, что все в порядке. Он уже спросил себя, не просчитался ли он, не сделал ли большой глупости. Горе-психотерапевт встал и дрожащей походкой пошел к двери, которая дрожала от угроз и оскорблений. И только он к ней подошел...

Как шум прекратился. Несколько мгновений было тихо, и Иван Васильевич услышал сдавленные рыдания. Открыв дверь, он увидел, что две нежные, слабые девушки, все истерзанной борьбой, с красными от слез глазами, Светка – с разодранной блузкой, обе потные и обессиленные, сидят на кушетке обнявшись и тихо говорят друг другу слова прощения.

– Пятнадцать минут... – пробормотал себе Иван Васильевич, – Пятнадцать минут... Он тихо прикрыл дверь.

Когда Иван Васильевич пришел домой, атмосфера была вчерашней. Валюша подошла к нему, сказала:

– Привет, Ваня. Ты сегодня лучше выглядишь! Хороший день?

– Ну... Да, – улыбнулся Иван Васильевич, думая о своем, – но я устал немного.

Он приобнял жену и постоял так несколько мгновений, – Пойду чайку попить.

– Слушай, может, ты сделаешь маме эти веревки? Она сегодня мне демонстративно вздыхала на кухне о том, что белье сушить негде.

– Не беспокойся, все будет в порядке.

У Ивана Васильевича и правда было светло на душе. Он знал, что делать.

Сняв пальто и скинув ботинки, он, однако, не пошел в кухню, а прошел по темному коридорчику с уже выцветшими обоями и репродукцией картины с тремя медведями. Подошел к комнате тещи, постучал в дверь и вошел.

Теща, Татьяна Николаевна, сидела на своей кровати, очень аккуратно застеленной лоскутным покрывалом, и смотрела КВН. Обернувшись, она вздрогнула, и... словно сдулась. Иван Васильевич каким-то шестым чувством ощутил, что часть грозового облака испарилась.

– Садись вот, – буркнула она и сама себе удивилась – злость «не получалась». – Чего пришел?

Иван Васильевич снова улыбнулся этой странной улыбкой, которая появилась у него сегодня. Он подошел к теще, присел рядом с ней и положил свою ладонь ей на локоть.

– Татьяна Николаевна, над Вами какое-то недовольство последние пару дней витает. Что случилось?

Татьяна Николаевна опешила. Она сглотнула и только собралась сказать все, что думала, но... Так и осталась сидеть, глядя на Ивана Васильевича, словно кролик на удава. Потом поерзала на кровати и отвела взгляд.

– Да так, нормально все, Ваня.

– Татьяна Николаевна, Валя мне говорила, чтоб я веревочки повесил поскорее. Когда у меня выходные будут, я...

– Ванюша, да ладно, – запричитала вдруг теща, засуетилась, вскочила с кровати, встала с трудом на колени перед старинного вида тумбочкой, на которой стоял телевизор. – Ты смотри-ка, что я дам тебе.

И она достала из тумбочки литровую банку варенья, по старинке перевязанную у горлышка бечевой, – вот иди, попей чайку, холодно на улице же. Иди, иди.

– Спасибо! Ну, я пойду, – проговорил Иван Васильевич и встал, чтоб выйти.

– А веревочки – бог с ними! Как повесишь – так повесишь! – Вдогонку негромко крикнула Татьяна Николаевна, и когда дверь за зятем закрылась, прошептала:

– Вот, дочка, молодец, какого мужа себе нашла... Какой человек-то хороший.

Непонятое слово

Ох уж эта Лидка! После того памятного для Ивана Васильевича дня, как он спас ее от разрыва с любимейшей подругой, она просто на каждом углу возносила Ивану хвалы и пела дифирамбы. Валюшка уже начала смеяться над ней – ты, Лидок, мол, сколько мужа моего похвалами не кормишь, а он все в лес смотрит!

Но Лидка, конечно, ничего такого в виду не имела, а вот в каждом гостях, куда ходила, настойчиво повторяла – есть такое чудо в области психологии, Иван Васильевич, который излечит от любого душевного томления и решит вам любую проблему. И вот итог – на пороге кабинета Ивана Васильевича стоит милая семейная пара – родственники Лидки из Новосибирска.

И уже поздно объяснять, что психологию из учебников Иван Васильевич, собственно, толком и не знает, и что в Новосибирске тоже много своих специалистов, которые не лыком шиты, и что педагог из него вообще никакой.

Мужу и жене на вид – около сорока лет. Он – в аккуратном костюме в коричнево-серую клеточку, немного старомодном. Как только стрелки отутюженные в поезде сохранил, удивился Иван Васильевич. Она – словно из тридцатых годов, плиссированная цветастая юбка и пестрый малиновый платок, укрывавший миловидное лицо домиком. Сказали, кто они, стоят теперь и мнутяся, стесняясь московского светила психологии.

А между ними стоит оно. То есть, конечно, это девочка, лет пятнадцати, но это Иван Васильевич просто знает, что это девочка. Короткие черные волосы, стриженные под ежик, в каждом оттопыренном ухе в строгом геометрическом порядке висит по четыре блестящих белым металлом кольца. Затертая черная футболка с надписью КОЯН (Иван Васильевич даже не понял, на каком языке это читается), черная же кожанка со всеми положенными металлическими регалиями и потертые черные джинсы, рваные на коленках.

А в глазах – ненависть, полыхающая так, что больно смотреть. Нескрываемая и глубокая.

Это конец, подумал Иван Васильевич. Но отступить было некуда.

– Садитесь, пожалуйста, – Иван Васильевич приглашающим жестом указал на рыжий кожаный диван для посетителей у стены, – и расскажите суть дела. Я хотел бы знать об этом несколько подробнее, чем мне Лидия Васильевна рассказала.

Они и сели так, как выглядели – муж с женой на краешек, словно готовые вскочить по малейшему требованию. Девочка небрежно кинула свое тело в центр дивана и вызывающе посмотрела на Ивана Васильевича, продолжая демонстративно жевать жвачку.

– Мы, собственно, из-за дочки, – нерешительно начала женщина, сделав легкий кивок в сторону девочки. – Доча, может, сама расскажешь?

– Вы меня сюда привезли, вы и рассказывайте. У меня все нормально.

Маму это задело, она резко опустила глаза вниз, но рассказывать начала спокойным ровным тоном.

– У Полины проблемы в учебе. Сейчас она в восьмом классе, и ее уже два раза чуть не отчислили из школы, помогло только то, что завуч – моя одноклассница. Совсем перестала учиться. Бегает по улицам незнамо с кем, – мать покосилась на дочку, – я уже не знаю, какие меры предпринимать.

Тут Иван Васильевич спохватился.

– Простите, я ведь совсем не знаю, как вас зовут!

– Наша фамилия Скороходовы, я Александра Владимировна, муж мой Владимир Ильич, а Полину... а это – Полина, – слабо улыбнулась Александра Владимировна. – Лида нам рассказала, что надо ехать в Москву.

Иван Васильевич еще раз зарекся оказывать какие-либо услуги Валюхиным знакомым. Он решил воспользоваться единственным психологическим приемом, который был ему известен и который он подсмотрел в голливудских фильмах.

– Александра... э-э, Владимировна и Владимир Ильич, прошу, оставьте нас с Полиной в комнате одних.

Родители вышли, и как дверь за ними закрылась, Иван Васильевич спросил Полину:

– Хочешь поговорить об этом?

– Нет. – Ответ был четок, определен и довольно зол.

Что делают американские психологи в таких случаях, Иван Васильевич не знал.

– Я назначил им встречу завтра с утра, и что делать – не представляю совершенно, – Иван Васильевич сидел с опущенной головой на расправленной для сна кровати в совершенно унылом настроении.

Валя утешала его всячески как могла, даже принесла ему чаю с баранками на подносе из кухни.

– Вань, да не убивайся ты так. Никогда не бывает, чтобы прямо все идеально. Смотри – у всех, даже у самых великих людей бывали большие сложности, все ведь через это проходят. Вот я, смотри – хотела научиться вышивать крестиком, чтобы подушечки делать как у Светки на диване, помнишь? Купила я книжку, начала читать, и что ты думаешь? Ничего не понятно. Видно, не предназначена я для того, чтобы вышивать. Видишь, у всех бывает. Считаю, что это и не поражение. Ты ведь не профессиональный психолог, что же ты хочешь – решать мировые проблемы, которые никто из политиков решить не может? Ты, кстати, не спрашивал совета у Петровича?

Иван встрепенулся – а это идея! Вялость мигом улетучилась. Петрович не был психологом, он был психиатром в советские времена, пока не вышел на пенсию. Но для Ивана Васильевича это ровным счетом никакого значения не имело – в маразм Петрович не впадал еще, знаний растерять был не должен, а в названии его профессии был корень «психо». Это говорило Ивану Васильевичу о том, что Петрович понимал в делах душевных. Или духовных? Ну, не важно.

Иван Васильевич схватил телефон с тумбочки у кровати и набрал номер Петровича.

– Петрович, привет! Это Иван Васильевич. Не разбудил? Слушай, друг, нужна помощь, – и в течение трех минут Иван Васильевич рассказал Петровичу о всем наболевшем.

Но Петрович был не в энтузиазме.

– А, Иван Васильевич! Послушай меня, старого умника. Такое не лечат, поверь мне. Вот тебе хороший способ – скажи родителям, что они сами виноваты в том, что ребенок такой вырос. Разве достаточно они уделяли девочке внимания? Выслушивали ее проблемы? Давали советы в сложных ситуациях? Любой нормальный родитель ответит – нет. Скажи – вы слишком поздно пришли ко мне. Назначь ей чего-нибудь успокоительного, пусть пьет каждый день, станет тихой девочкой, родители будут в восторге. Конечно, ей бы еще парочку сеансов электрошока под это дело, но сейчас с этим сложно будет – правозащитники права качать начнут...

– Петрович, – жестко сказал Иван Васильевич, сползший с кровати во время этого монолога. – Спасибо. Я понял. Ты мне очень помог.

– Ну как скажешь. Звони, если что.

Вытаращенные глаза Ивана Васильевича показали Вале, что помощь Петровича принята не будет. Почесав ногу, Иван поделился с женой:

– Ты знаешь, мысль о том, что я ничего не могу сделать с этим, показалась мне еще сносной. Но парочка сеансов электрошока...

Валя, уже в ночной рубашке, погасила свет в комнате, оставив едва теплящийся розовый ночничок. Иван, все еще возбужденный, залез в постель.

– Утро вечера мудренее, – вместо «спокойной ночи» сказала Валя. – Поспи, умные мысли в голову приходят будут.

Наутро оно сидело в кабинете и снова жевало жвачку.

– Мне родаки платят, чтобы я с Вами тут разговаривала. Так что я буду отрабатывать, – заявила она, как только Иван Васильевич вошел в кабинет.

– Слушай, – сказал Иван Васильевич, – я тебе честно скажу, только родителям не выдавай. Я не знаю, как тебя лечить. Что с тобой стряслось вообще? По-моему, у половины детишек с родителями такие же проблемы.

– Да нет у меня никакой проблемы. Маман пугается, что из меня вырастет. В школе учиться я не буду, мне это не надо.

– Ты травку куришь, что ли?

– Не, ты че. Я же не это, не настолько испорченный ребенок, – Полина грубо захихикала и села, подложив ноги под себя. – Давай, спрашивай дальше. Я уже рублей сто заработала.

– А что спрашивать то? Я не знаю, что спрашивать.

– Ну, ты псих! Спрашивай, как я до такой жизни дошла.

– Знаешь что? Травку ты не куришь. Спишь дома. Не беременная. Значит, и лечить тебя не от чего, кроме как от... – Тут Иван Васильевич спохватился, вспомнив, что перед ним пациент.

– Нет, ну, понятно, конечно, что у тебя есть проблемы со сверстниками.

– Господи, что вы все такие тупые... Мужик, говорят же тебе, что нет у меня проблем ни со сверстниками, ни с травкой. Нормально все у меня, с учебой все плохо. Плохо с учебой, понимаешь?

Тут Иван Васильевич действительно понял.

– Учителя плохие, что ли?

– Да нет, учителя нормальные... наверное, – подумала вслух Полина. – Терпеть не могу всю эту ерунду слушать.

– Так полезно же! В жизни пригодится!

– Слышь, лажа все это. Не пригодится там ничего. Тебе система уравнений в жизни пригодилась?

Иван Васильевич вынужден был признать, что нет.

– Знаете, пойду я. Завтра приду и расскажу что-нибудь... наверное, – Полина хмыкнула, закинула черный с заклепками рюкзачок на одной лямке к себе за спину и вышла вон.

– Знаешь, она, в принципе, нормальная девочка, но воспитание... Интересно, что хорошие слова она знает, но не употребляет. По-моему, специально, – Иван Васильевич сидел на кухне бок о бок с женой и пил свой любимый чай матэ с баранками.

– Но что в школах делают с нашими детьми теперь, я не знаю. Нет, конечно, и мы с уроков сбегали, но... Хотя, если так посмотреть, что было, то и осталось. Просто мы с тобой, – он игриво толкнул жену локтем в бок, – наверное, повзрослели. Впрочем, у тебя и сейчас проблемы с учебой – крестиком вышивать так и не научилась. Что так?

– Да не знаю. Кто ж это знает. Там так сложно написано.

– А ну, принеси книжку сюда.

Валя пожалала плечами, встала, сходила в комнату и принесла тонкую книжку в зеленой обложке. Иван Васильевич пролистал ее.

– Ну и чего здесь сложного? Вот написано – канва с тканью надевается на пальцы так, чтобы ткань было слабо натянута, а пальцы не потеряли своей формы. Сделала так?

– Нет.

– Почему? – не понял Иван Васильевич.

– Так непонятно же.

– Что непонятно? Слова вроде русские. Берешь канву... Принеси, пожалуйста.

– Что принести?

– Пяльцы и канву.

С Валею происходило что-то странное. Ее движения стали дергаными, она несколько секунд осматривала кухню и порывалась что-то взять, но сразу же обрывала движение. Валя посмотрела на Ивана Васильевича: в ее взгляде царило замешательство, рот приоткрылся.

– Канва?..

– Подожди-ка. Ты видела канву, хоть разок? – в голове Ивана Васильевича медленно начинал включаться свет, словно кто-то медленно крутил ручку реостата. – Валя, ты знаешь, что такое канва?

Валя вдруг раздраженно огрызнулась.

– Господи, какая разница! Мне все равно, что это за канва! Нужна она мне, что ли? Что ты заладил? – Она, сжав губы, схватила книжку со стола, посмотрела на Ивана Васильевича злым взглядом и вышла с кухни, резко захлопнув дверь.

– Вот оно как... – сказал Иван Васильевич задумчиво сам себе, почесав лоб. – Вот оно как.

В голове начали вырисовываться параллели.

– Меня родки забирают, – заявила Полина с порога и бросила свой рюкзачок рядом с диваном на пол. – Сказали, отдадут в какой-то интернат для особо одаренных. Сказали – иди, скажи доктору до свидания.

– Ты мне погоди до свидания говорить, – Иван Васильевич заметно повеселел после вчерашнего вечера. – Садись-ка и напоследок расскажи мне, как ты до такой жизни дошла. Какой предмет в школе ты меньше всего любишь?

Полина расселась на диване, закачала ногой в огромном черно-фиолетовом ботинке и уставилась в потолок.

– Ну... Математику, или как там она – алгебра. Вообще ерунда какая-то. Какие-то переводные, косинусы.

– А, алгебра и начала анализа. Производные.

– Ага, вот-вот, и анализы тоже. Хотя при чем тут анализы?

– Полиночка, скажи мне – что такое анализ?

– В смысле? Всем понятно, что такое анализ – вот, бабки носят в поликлинику каждый день страшно посмотреть что.

Иван Васильевич с заговорщицким видом, словно фокусник шляпу, взял с полки толстую красную книгу, на которой было написано «Большой Толковый Словарь».

– Да вы что? – радостно удивилась Полина, – оно еще и смысл имеет?

Через четыре часа родители Полины, забеспокоившись, почему чадо так долго прощается с доктором, сами зашли к Ивану Васильевичу. В приемной не было никого, а вахтерша в наряде уборщицы и со шваброй в руке оповестила, что Иван Васильевич не велел никого пущать, и подтвердила это кивком головы в сторону двери. На двери, вместо обычной таблички «Психотерапевт», висела тетрадная бумажка с наскоро написанной фразой «Идет сеанс, не входить!» Александра Владимировна и Владимир Ильич подошли к двери, за которой слышались смешки и голоса Полины и доктора, и стали напряженно вслушиваться.

– Подождите, сейчас-сейчас... Реформаторский!

– А, сейчас... (шорох перелистываемых страниц), вот. «Реформа – преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни». Смотри – вот что-то идет не так. Это к чему-то большому относится, не просто чайник сломался. В государстве что-то не то, и правительство меняет какие-то законы или работу части государства. Вот это и есть реформа.

– А, понятно! Как вы все просто объясняете! Давайте еще. Вот, слово... константа.

– Ну, это я без словаря тебе отвечу. Константа – это что-то, что не меняется. Вот, скажем, температура кипения воды 100 градусов, если на уровне моря. Она не меняется, это константа. А температура воздуха на улице – не константа.

– Ладно. Уфф! У меня такое ощущение, что туман рассеивается. Что это? А можно еще?

– Давай!

Александра Владимировна тихонечко приоткрыла дверь. Полинка полулежала на животе на большом столе Ивана Васильевича, подперев голову локтями и болтая лодыжками в воздухе, а психотерапевт сидел с ней. Их предметом интереса была... книга.

– Так... Слово... Монархия! Или монархия?

– Монархия! Смотрим. Монархия – форма правления, при которой верховная власть в государстве формально (полностью или частично) сосредоточена в руках единоличного главы государства – монарха, а также государство с такой формой правления. Говоря другими словами, когда страной правит один человек, а не группа людей.

– Так! С монархией понятно. Но вот что непонятно – что такое политический? Политический кризис, политическая система. А, да – а что такое кризис? Что такое «определяет»?

– Полиночка, стой!!! Я не могу с такой скоростью!..

– Я вдруг поняла... А что такое «что»?

Через два месяца Иван Васильевич получил из далекого Новосибирска письмо. По электронной почте. Полина писала:

«Дорогой Иван Васильевич! Еще раз хочется сказать Вам спасибо.

У меня все нормально. Мама с папой куда не стали меня отдавать, и я по-прежнему учусь в старой школе. Они Вас боготворят! Но знаете – учиться стало веселее. У меня есть парень, я ему рассказала о нашей тайне, и он постоянно вместе со мной залезает в словарь, если что-то не понимает.

Иногда нам Вас не хватает – так сложно написано, как будто люди, писавшие словари, не могли написать попроще. Кстати, учителя временами сами не знают, что говорят! Иногда спросишь – а что это слово значит? А они вдруг застывают на мгновение, а потом начинают говорить, что это не имеет к учебе никакого отношения и что я бы лучше учила уроки, а не задавала глупые вопросы.

Насчет моих оценок – сами понимаете, они очень изменились, но я была удивлена тем, что мне это небезразлично. Все-таки приятно, когда узнаешь что-то новое. Никогда бы не подумала, что скажу это.

Я подумала, что Вам, может быть, интересно, как написаны учебники наших младших товарищей по школе. Это за 7–8 классы, значит, для 13–14-летних. Почитайте и посмейтесь! Цитаты ниже.

«Гениальный помор уповает на волю монарха, на реформы сверху. Он – сторонник просвещенного абсолютизма».

«Род несклоняемых собственных имен существительных – географических названий определяется родом тех имен нарицательных, которыми эти названия могут быть заменены».

«Даже у самой близкой яркой звезды Талимана (Альфа Центавра) годичный параллакс $\Pi = 750$ », то есть ее расстояние $R = 275000$ а. е.»

«Первая часть называет числитель дроби и представляет собой количественное числительное, вторая часть называет знаменатель дроби и представляет собой порядковое числительное».

«Милитарист и материалист, Николай всегда был чужд идей конституционализма и либерализма».

С огромным уважением, Полина».

Гнев белого ангела

Перед Иваном Васильевичем, смущенным и расстроенным, сидел на краешке потерятого дивана его крестный, Дмитрий Петрович. Это был седоватый полный мужчина в свисающих складками серых брюках. Нос картошкой, глазки маленькие, полузаплывшие жиром. На его покрытой редкими волосками голове пригорюнился поникший, словно обессиленный, белый чуб.

– Вот так, Ванюша, – голос крестного был грустным, но деловитым. – Покоиться на святой земле, на церковном кладбище, она не захотела, сказала, чтобы прах ее рассыпали по земле родной... Неверующая ведь была. Так что остались нам одни старые фотографии. Ну, и вот это.

Он со вздохом устало показал еще раз на лежащую перед Иваном Васильевичем выписку.

Пять дней назад, под белорусским Новополоцком, в свои восемьдесят семь лет спокойно умерла от почтенной старости бабушка Ивана Васильевича, названная по имени пророка Илии Илионой Пафнугиевной.

Рожденная великой революцией, воспитанная страшной Отечественной Войной, Илиона Пафнугиевна, девушка кроткая и выносливая, перенесла тяжелые времена лишений с примерным смирением и трудолюбием, вышла замуж за работающего паренька и родила четверых детей.

Швейная фабрика им. Ленина, которой великороссийская труженица отдала оставшиеся годы своей мирной трудовой жизни, передала ей в благодарность за верную работу десять соток яблонь, малины и крыжовника. Там же стоял милый одноэтажный домик с резными ставнями, в который Илиона переехала из двухэтажного дощатого клоповника-барака. На этом участке, возделывая грядки в безмолвии сада, и прожила Илиона Пафнугиевна оставшиеся годы.

И вот – перед Иваном Васильевичем лежал листок бумаги, в котором сообщалось следующее: душеприказчиком назначается Дмитрий Петрович, домик мой покосившийся отходит дочери моей второй, Елене Сергеевне, а сад цветущий вокруг него – дочери четвертой, Ираиде Сергеевне. Мужа и остальных двух дочек мать семейства, к ее горечи, пережила, за что занималась самобичеванием и не могла найти успокоения все последние годы жизни.

Четвертая и была тою, что вскормила нашего вольнодумца Ивана Васильевича. И иногда, если взять грех на душу, думал Иван Васильевич после разговоров с матерью, что та временами могла отравить даже то самое материнское молоко.

– Вступите в наследование, Ванюша? – спросил Дмитрий Петрович.

Иван Васильевич замахал руками.

– Дмитрий Петрович, к маме, всё к маме. В завещании не я прописан, а мамуля моя, да и на что мне эти деревья за сотни километров отсюда?

Но слукавил. Он представлял себе, что сейчас начнется, и видеть мать в образе рыдающей, изрыгающей молнии веерокрылой валькирии ему претило.

Ему вспомнился первый виденный им инцидент этой странной, нелепой и натянутой с точки зрения логики вражды.

Двадцать лет назад учившийся в последних классах школы Ваня поехал к бабушке «на клубнику». В компании мамы.

Бабушка с широкой улыбкой, суетясь и пытаясь на ходу обнять всех сразу, приветствовала странников. Сразу провела в дом, где на столе парили горячие, только из русской печки

пирог, накрытые белой тряпкой. Рядом на столе стоял светлый самодельный квас, крошка в огромной коричневой миске, яблоки и полупрозрачная розетка с конфетами.

Домик был одноэтажный. От всех его помещений веяло таким неувыдающим и ностальгическим ароматом деревенского быта, что казалось, что прямо сейчас прямо к столу подойдет корова, звякнув колокольчиком, и что-нибудь нежно промычит, или забегут девочки и весело позовут утаптывать в пуне сено.

Коровы у Илионы Пафнутиевны не было, но были русская печь, сарай, полный полешек, которые надо было колоть, топор и косы, ржавеющие в сарайчике, старый хлев позади дома и аккуратный недорогой уют, созданный своими руками и говорящий многое о трудолюбии и намерениях человека.

Мама разговаривала с бабушкой всегда вежливо – но вот что странно. Не было в ее речи душевной теплоты, той ласковой ниточки, что должна бы связывать дочь и мать. Просто холодная сдержанность и явно показываемое намерение «не трогай меня – и я не трону тебя».

Холодная война вылилась в неистовую бурю через пять дней. Мама пришла к бабушке, половшей враскорячку огурцы, и спросила у нее – может ли ее подруга с дочкой семи лет приехать на пару дней сюда, в гости.

Илиона Пафнутиевна выпрямилась, подперла рукой поясницу и отерла тыльной стороной ладони вспотевший лоб.

– Ну что? Пускай приезжают. Пусть только грядки здесь не потопчут.

Лицо мамы мгновенно напряглось и пошло красно-белыми пятнами.

– Что, жалко?! – с непонятной злостью выкрикнула она, сжав кулаки, – Родной дочери жалко?! Тварь, тварь!..

Мама убежала в дом от побледневшей и схватившейся за сердце Илионы Пафнутиевны. Потом выскочила из него и снова подбежала к бабушке, которой было уже не до огурцов:

– Вот, я всегда знала, какая ты змея... – прошипела она на бабушку. – Я всегда знала! Я здесь больше ни минуты не останусь! Ни минуты! Объели ее! Три горошинки в день съели – объели! Внуку родному крошки хлеба не даст!

Иван сидел в десяти метрах на яблоне, поедая скороспелку, и дрожал мелкой дрожью. Ему хотелось уменьшиться и совсем пропасть из виду, схорониться за тонкими коричневыми ветвями. Он не понимал, как слова мамы вообще относятся к тому, что происходит. Они походили на бессвязные крики юродивого нищего, виденного однажды Ваней около церкви в луже собственной мочи и соплей.

Мама подбежала к яблоне и запыхавшимся голосом, словно она была на пределе выносливости, прошипела:

– Ваня, собирайся. Мы уезжаем. Ты не платил за эти яблоки. Потом еще счет предъявит, что родному внуку... – она не договорила и убежала в дом. Вышла на негнущихся ногах, неся в руках две дорожные сумки с наспех запиханными вещами.

– Я что сказала... – она подбежала к яблоне, с которой Иван только слез, и выдала ему оплеуху. – Я тебе что сказала! Марш собираться, чтобы через три минуты стоял готовый у калитки. Ошарашенный Ваня не смел перечить.

Бабушка со стоном ввалилась на кухню, трясущимися руками нашарила в холодильнике валидол и запихнула в рот несколько таблеток. Потом, держась за сердце, выбежала наружу к маме:

– Ирочка, Боже ты мой, да что же это такое... Ты прости меня, окаянную, если обидела тебя чем. Куда же ты побежала, милая, обед на столе стынет...

Но мама Ивана была уже за калиткой. Боясь ее гнева, выбежал за ней и Ваня, бросив умоляющий о прощении взгляд на бабушку.

Мама быстро и уверенно шла по рассыпчатой песчаной дороге, смотря зомбиобразными глазами прямо перед собой. Сына она не замечала. Они дошли почти до сельсоветского магазина, и вдруг мать остановилась.

– Ах, ну конечно! – с издевкой вдруг высказала она. – Нам же надо денежки за газ ей отдать! Вдруг она обеднеет!

Мама дрожащими руками достала из сумки кошелек, нервными движениями там покопалась, достала смятые пятьдесят рублей и кинула Ивану.

– Быстро! Иди, отнеси ей, чтобы не попрекала потом, и бегом назад – скоро автобус отходит.

Иван побежал, раскидывая кедами песок, и долетел до дому бабушки. Та сидела на завалинке, привалившись к срубам, и тихонько плакала. Ваня подошел, тихонько сел рядом и положил руку ей на колени.

– Ба... Что ты маме-то сделала?

Бабушка утерла красные глаза ладонью и молча пожала плечами.

– Не знаю... Ты остаешься у меня?

– Нет, к сожалению. Мама... велела передать тебе, – он протянул ей красноватый полтинник. Но бабушка посмотрела на него и с безразличием отвернулась.

– Не надо. Она мне ничего не должна, – сказала она еле слышимым от бессилия голосом, а потом посмотрела на внука. – Такое не в первый раз уже. Года два назад схватила меня за волосы и стала бить головой об стену...

Ваня попятился от бабушки в смутении и, ни слова не сказав, выбежал из калитки. Это было уже слишком. Ваня просто не знал, что думать.

Мама шла дальше и с ненавистью, с силой выталкивала из себя слова.

– Я к ней со всей добротой, со всей лаской, как человек... Змея подколотая... Ни за что больше. Ни за что... Я, которая ходила за ней, как тень, убирала, мыла, драила, слушала каждое слово, – вот что я получила! Ненависть черную! Съели мы у нее много, посмотрите на нее! Не потопчите ей!

А Иван шел сзади и думал о том, куда потратить те пятьдесят рублей, которые он не отдал бабушке.

На остановке было жарко. Ваня ходил туда-сюда, но оклик мамы заставил его обернуться. Мама, белая, с расширенными глазами, держала в руке 50 рублей. Ваня подумал мысль «Выпали через дырочку в кармане», а затем был удар урагана эмоций – мама тоже все поняла.

Дальше – год полного отсутствия маминого с бабушкой общения. Потом – холодная вежливость, граничащая с безразличием, потом – пламя эмоций и разрыв отношений. Потом все снова. Ванюша повзрослел, вышел на первую работу, женился на Валеньке, но не мог перестать задаваться этим вопросом: что бабушка сделала такого отвратительного, подлого, низкого, из-за чего маме так плохо? Такого, что нельзя забыть за всю долгую, богатую событиями, трудами и радостями жизнь? Что она сделала? Что?

Но... Это была семейная тайна, что молчаливым согласием участников не должна была сбросить свои мрачные покровы никогда.

К матери Иван Васильевич не поехал. Попрощавшись с Валею и уладив дела на работе, на следующий день он выехал в Новополоцк.

Иван Васильевич, глубоко дыша, обливаясь потом от пекущего макушку солнца, шел от остановки сельского оранжевого ПАЗика в направлении дома бабушки. Картина пригорода совсем не изменилась – те же кусты крапивы у дороги, те же коричневые коровьи пироги-лепешки, оставшиеся от утреннего выгона коров, что усеивали, словно мины, желто-корич-

невый песок дороги. Та же дорога – не заасфальтированная, песчаная, пылящая от неосторожных шагов. А вот за поворотом и он – домик бабушки за синим штакетником.

Около домика царило некоторое оживление. Два мужика прямо во дворе тесали длинную сосну, на них смотрели несколько бабулек с клюками и покачивали головами. Неподалеку стоял бородастый священник, поразивший своим видом Ивана Васильевича.

Его подризник с белой, вышитой узорами полоской казался чуждым этому деревенскому уголку с пением соловьев. Святой отец был при параде, словно только что вышел из храма. Черная скуфейка подмокла от пота, и священник то и дело вытирал рукою пот со лба. На груди висел, однако, не металлический, а вырезанный из дерева, потемневший от старости крест.

Подойдя поближе, Иван Васильевич обнаружил, что священник совсем не стар – ему было лет тридцать пять от силы.

– Здравствуйте... – еле слышно поздоровался с ним Иван Васильевич, подойдя. – Я родственник умершей. Внук.

Священник улыбнулся и приятным грудным голосом сказал:

– Здравствуй и ты, сын мой.

– Скажите, святой отец... Моя бабушка была неверующей, кто же пригласил Вас?

– Я не на работе, если можно так выразиться, сын мой, – ответил священник и снова улыбнулся. – Моя резиденция в двух строениях отсюда, – и он показал рукой на двухэтажный коттедж с черным джипом во дворе, где в тени ягодных кустов прятался охранник.

– Простите... У Вас довольно высокий сан, да? – заробел вдруг Иван Васильевич и немного пригнулся к земле. Священник это заметил.

– Да, – просто ответил он и похлопал Ивана Васильевича по плечу, – а называть можете как Вам удобно. Зовут меня отец Феодосий, а сан – епископ Витебской епархии. Посмотрите-ка, что делают селяне, очень интересно. Это старая народная традиция.

Он указал Ивану Васильевичу на уже виденных им мужиков, что, сняв верхнее, в одном исподнем махали топорами.

– Что они делают? – с непониманием спросил Иван Васильевич. Он проникся каким-то необъяснимым уважением к этому человеку и поэтому не торопился на двор, на расправу старушкам.

– Кладку делают. Это мостик через какое-нибудь топкое или мокрое место, ручей или ров. Для этого рубят сосну, обтёсывают её, вырезая на ней день смерти и изображение человеческой ступни. Затем все садятся на это бревно и ещё раз поминают умершую. Позже каждый, проходя по этому мостику, читает молитву за упокой души той, в чью память положена кладка.

– Я тоже... неверующий, – смущенно проговорил Иван Васильевич, не глядя на священника, – поможет ли ей этот обряд в ее будущей жизни на небесах?

– Нет, конечно, – просто ответил священник, – не в силах Иисуса помочь атеистам. Кроме того, я сомневаюсь, что небеса существуют.

Иван Васильевич остолбенел.

– Как! Вы, епископ, священник Православной Церкви, и говорите такое! Не ожидал услышать подобное от священнослужителя.

– Не беспокойтесь, сын мой, – спокойно ответил отец Феодосий и огладил бороду, – в мире и так много беспокойств. Есть несколько разных категорий людей, и, ежели они и считают себя христианами, веру будут воспринимать по-разному.

Есть верующие, истинно верующие. Те, кто смотрит в будущее, зная, что вера – это неотъемлемая часть человеческого существа, его стержень и крылья за спиной. Верующие не верят в общепринятом смысле этого слова – они творят будущее. Их вера очень близка к знанию. Они не ждут небес – они их вершат.

Есть суеверные. Знаете, откуда происходит такое слово?

Иван Васильевич на секунду задумался.

– Суе... верные. Верующие во всё?

– Истинно так, сын мой. Эти люди довольно трусливы, и боятся они всего. Поэтому им нужен о-очень сильный защитник! Можно догадаться, кого они выбирают в качестве такового. Но они не верят. Они боятся Бога. Это те, что проводят перед иконой целыми днями, не помыслив и пальцем шевельнуть. Это те, что валяются на паперти, вымаливая копейку ради Христа. Те, что видят гнев Божий в ударе молнии и откуда-то выжимают каждое десятилетие все новые и новые приметы. Это не верующие – это слепцы. Суеверные.

Иван Васильевич настолько проникся правотой святого отца, что забыл о цели своего визита и палящем солнце над непокрытой головой.

– Есть фанатики. Они не менее суеверны. Есть еретики, и, боюсь, я стал бы водить общество скорее с ними, – святой отец засмеялся, и мудрость, мирно и гармонично уживающаяся с молодостью, пыхнула из глаз радостным каскадом лучей.

– Сколько... сколько Вам лет, святой отец, простите меня за вопрос? – спросил Иван Васильевич.

– Двадцать восемь, – последовал ответ.

Иван Васильевич никогда бы не подумал, что может сделать такое, но не смог сдержать порыв. Он безотчетно преклонил колени, взял руку святого отца и прислонил ее к своим губам.

– Благословите меня, святой отец...

Отец Феодосий взял руки Ивана Васильевича в свои и приподнял на ноги. Посмотрел ему прямо в глаза.

– Я вижу, у Вас есть какая-то проблема, которая поглощает часть Вашего внимания, не дает ему освободиться. Мы можем пройти к Вам в дом?

– Конечно, господи! Извините, что не предложил сразу, – вдруг очнулся Иван Васильевич. – И да. У меня есть, о чем спросить совета.

Бабульки, увидев самого отца Феодосия, чуть ли не легли на грядку лицами вниз, выпятив свои цветастые зады.

В доме было пусто, зеркало в сенях было аккуратно завешено красно-бело-зеленым рушником бабушкиной работы. Когда же священник и Иван Васильевич прошли в комнату, они нашли завешенный половиком телевизор.

– Сегодня же девятый день! – хлопнул себя по лбу Иван Васильевич, после чего пригласил святого отца присесть на диван.

– Ваша бабушка была большой мастерицей! – похвалил отец Феодосий, усевшись и оглядевшись по сторонам.

– Действительно. Она была бы рада, если бы знала, что ее поминают добрыми словами. Кстати, простите мне мое невежество, а почему на девятый день поминают покойника?

Отец Феодосий снова улыбнулся таинственной улыбкой Моны Лизы.

– Очередные проделки наших суеверных друзей. Поминки – языческий обряд, не христианский. Как и многое другое в христианстве. В дохристианское время, когда считалось, что душа, вылетев из мертвого тела, прощается с ним и с близкими людьми, а потом возрождается в новой утробе, девятый день был днем разрыва. В этот день душа переставала воспринимать общение прощающихся с ней родных, переставала воспринимать наставления на недолгую дорогу между жизнью и жизнью, и начинала свои поиски нового гостеприимного тела.

Зачем же закрывались зеркала – теперь вообще никто не упомнит, существуют лишь разные мнения. Но в современном обществе не нужны и мнения, имеющие под собой понимание – всё заменили ритуалы.

– Ритуалы, да? – сказал сам себе Иван Васильевич, наливая себе и отцу Феодосию чай из старого, чуть ли не послереволюционного чайника, который на удивление быстро вскипел. – Отец Феодосий, мне нужен совет.

Бабушка умерла, но вместе с нею в могилу, а точнее, в прах, ушла одна из тайн, которую я никак не могу разрешить. Она мешает мне воспринимать Илиону Пафнугиевну как человека, что все помыслы свои направил на благо семье и обществу. Бабушка была действительно уникальным по работоспособности и социальности человеком.

Но моя мать знает о чем-то ужасном, совершенном бабушкой, таком, что не дает ей спокойно жить. Как только мама встречает свою маму, ее лицо меняется, все условности отпадают. Мама что-то вспоминает, и гнев обрушивается на голову бабушки. Такое ощущение, что все добрые дела ее жизни не смогли бы перевесить этого одного враждебного действия, сам не знаю, какого... Но что, что являлось источником бесконечной враждебности столь долгое время?

Я придумывал себе страшные преступления, что могли бы вызвать столь яростное неприятие, но... подумав немного, всегда их отменял. Потому что понимал – нереально это. Не могла бабушка такого сделать.

И я хочу спросить у вас совета, святой отец, – что это могло бы быть? Вы ведь не случайно появились перед домом бабушки?

– Для себя – случайно, для Вас – не случайно, – загадочно ответил священник, тихо прихлебнув чай из кружки и закусив его одной из конфет, найденных Иваном Васильевичем в белой вазочке из засахаренной ткани. – Скажите, пожалуйста, какова Ваша профессия?

– Я... – смутился немного Иван Васильевич, – психотерапевт, правда, доморощенный, без высшего образования...

– Вот и слава Богу, – неожиданно похвалил отец Феодосий сбитого с толку Ивана Васильевича. – А знаете Вы, Иван Васильевич, что и психотерапевты бывают разных типов. Бывают понимающие, а бывают – суеверные и фанаты. Одни честно смотрят на жизнь, наблюдая ее и не забывая своих благих целей. Они знают – душевное здоровье пациента в их руках, и, хорошо или плохо, помогают ему. Часто не могут помочь, и пациента постигают неудачи. Но никогда они не забывают, что это они не сделали того, что нужно было сделать.

Другие же, суеверные, словно магнитофоны, крутят в голове цитаты их более знаменитых предшественников, и не дай бог пациенту не поправиться! Виноват во всем теперь пациент, а не психотерапевт. Потому что психотерапевт – профессионал, у него есть диплом, он знает много умных слов. Таковые целители – опухоль на лице психотерапии, скоро ненасытно сожрущая само это лицо. Они придумали сумасшедшие дома и неизлечимые болезни, чтобы хоть как-то скрыть, оправдать свое дичайшее невежество, на которое и сами боятся посмотреть.

Иван Васильевич не знал, что и сказать. Он мусолил в руках желтый венчик от скатерти стола и смотрел на священника.

– Есть одна кажущаяся логичной идея, которая, однако, является просто суеверием. Вот она: если один человек, чистый сердцем, телом и душой, пылает гневом к другому человеку, значит этот, последний, что-то натворил. Так ведь?

– Ну... да. Так ведь обычно и бывает, – недоуменно проговорил Иван Васильевич, чье смущение перешло теперь на обертку от конфеты, которая в его руках превратилась в комок затертой бумажки.

– Нет, не бывает! Это неправда, – неожиданно поставил чашку на стол и подался вперед отец Феодосий, – не бывает такого. Где Вы видели льва, который раздувал бы жалкие склоки в прайде? И где вы видели болонку, с достоинством проходящую мимо льва? Запомните навсегда, сын мой. Сила – в честности. Сила – всегда в честности. Силен – честный. Слаб – трусливый! Нет нужды сильному гневно защищаться – он и так защищен. Жизненно

необходимо выставлять свои жалкие силенки напоказ лишь слабому, а потому и нечестному – мол, вот я какой, не напади на меня! Слабость, нечестность, ущербность в каком-то отношении – это одно и то же! Вы понимаете меня?

– Я не понимаю, – сказал тихо Иван Васильевич.

– Вы поймете, когда честно посмотрите на себя самого. Представьте, что Вы совершили грех. Сразу Вы возьмете ответственность перед Богом или людьми за его совершение?

Иван Васильевич представил, что он разбил чужую машину, и с необычайной четкостью понял, что нет, о чем и сказал священнику.

– Правильно. Люди грешны, все – даже ваша работающая бабушка. Кстати, почему ее тела нет? Если она неверующая, то в церковь ее отнести были не должны.

– По посмертной воле ее отнесли в крематорий.

– Тогда я понимаю, – кивнул священник. – Да, люди грешны. И что бы Вы лично стали делать, если бы пришел другой человек, скажем, пострадавший, и сказал бы, что вы были, мягко говоря, неправы?

– Я... не знаю. Оправдывался бы. Ну, наверное, недоволен был бы им, – пожал плечами Иван Васильевич.

– Вот и соотнесите факты, сын мой, и запомните то, что я сказал Вам. Это и есть мой совет. На сем прошу прощения за вторжение в вашу обитель и удаляюсь, поскольку у вас будет о чем поговорить с вот этой милой женщиной.

Иван Васильевич оглянулся – в дверях стояла его тетя, Елена Сергеевна, и с удивлением и почтением смотрела на гостей. На голове ее был повязан черный платок, однако лицо не было грустным.

– Здравствуй, Ванюша! Святой отец, не уходите, Вы всегда желанный гость в нашем доме! – всплеснула она руками. – Вот я чаю поставлю...

– Простите меня, хозяйюшка, но я вынужден уйти. Иван Васильевич чаем меня уже напоил, да и паства не ждет. Прощайте!

Он вышел, оглянулся на секунду на дверь и вполголоса сказал сам себе:

– Вот я и благословил тебя, смятенный человек. Пусть же благое слово мое упокоится в душе твоей и проникнет в сознание, создавая дела добрые.

И размашистым шагом, разметая ногами запыленный подризник, вышел из калитки – человек с весенней молодостью и стариковской мудростью во взгляде.

Иван Васильевич же обнялся с тетей и начал улаживать формальности смерти бабушки. Одна формальность – наследство мамы – была не улажена никак. Но Иван Васильевич твердо решил – как придет домой, он сразу же исправит это, скольких бы нервов ему это не стоило. Волю бабушки он исполнит.

И только в поезде, когда он трясся на жестком дерматиновом сидении, облокотясь на установленный столик и бездумно наблюдая за проносящимся в мутном окне лесом, до него дошло, о чем говорил святой отец.

Сжимая кулаки до побеления, скрипя зубами, он тихо выдавливал жесткие, хлещущие слова, коими нещадно бичевал себя до крови, словно раскаивающийся грешник.

– Глупец... Глупец, боже мой... Столько лет... Столько лет быть слепым... Психотерапевт... Какой психотерапевт!.. Чурбан ты... Только двор подметать, а не с людьми тебе работать... Идиот... Прости, бабушка... Я сделаю это, я... иначе да не упокоится душа моя. Ну, мама... ну, держись, мама, я еду. Я еду...

Иван Васильевич позвонил в черную кнопку звонка, неаккуратно измазанную по бокам розовой краской. За дверью раздался шорох, дверной глазок на мгновение потух, и дверь открылась.

Мама в потертом халате с удивленной улыбкой пропустила сына в квартиру.

– Ванюш, здравствуй! Как хорошо, что зашел-то. Только почему без предупреждения? Я б тебе окрошки наделала, а так в магазин бежать надо. Ну, ничего, я сейчас сбегаю, сбегаю.

Иван поцеловал маму в лоб и начал раздеваться.

– Мамуль, спасибо, не надо. Я ведь по другому делу приехал, по наследственному.

Улыбка мамина притухла.

– Странно, сынок. Мама умерла, а я даже не хочу к ней ехать. Грех ведь совершаю. Скажи, Леночка ведь там?

– Да, мам, все в порядке, Лена приехала, – Иван Васильевич взял маму под руку и аккуратно повел в гостиную. – Ты присядь. Нам поговорить надо.

Мама встревожилась.

– Ванюш, нешто же что-то еще случилось? – она села на диван и огляделась вокруг в поисках вязальных спиц. Как знал Иван, они заменяли ей успокоительное, из-за чего недостаток в вязаных вещах семья не испытывала никогда.

– Нет, мам, но я насчет завещания.

– Завещания? – насторожилась мама, из чего Иван заключил, что Дмитрий Петрович не рискнул зайти к ней. – Какого завещания?

– К тебе мой крестный не успел зайти. Бабушка отказала домик тете Лене, а сад весь – тебе.

– Ах вот как, значит! – тон матери мгновенно изменился. – Значит, я не могу жить вместе с семьей нормально, значит, я должна жить под одной крышей с сестрой, в тесноте и темноте! Вот как ловко придумано, да сынок?! – она уже язвительно кричала, выбросив спицы.

– Даже после смерти, после смерти... Нет ада на это чудовище. Сколько лет жили вместе мирно – а теперь решила перессорить всех дочерей своих – умно, умно!

Мать в исступлении ходила, пиная больными распухшими ногами диван и даже не замечая этого.

Иван Васильевич тяжело вздохнул про себя и подумал: «Пора!»

– Мама, я хочу спросить тебя кое о чем, – с намерением сказал он, привстав и усадив мать обратно на диван. – Ты постоянно относишься к бабушке с плохо скрываемой неприязнью. И я хочу спросить тебя очень прямой вопрос, и я хочу, чтобы ты мне ответила на него очень честно. Скажи – что ты сделала бабушке, из-за чего ты так кидаешься на нее всю жизнь?

Мать вздрогнула, рот ее приоткрылся.

– Что это значит? Ты что про мать свою говоришь?

– Я спрашиваю тебя, – мягко, но настойчиво повторил Иван Васильевич, – что ты сделала бабушке. Дай мне ответ.

Мать вскочила и пошла белыми пятнами.

– Да как ты смеешь! Больше никогда, никогда не смей меня так оскорблять, тебе понятно?! Понятно?! – она, вспотевшая и взъерошенная, взяла быстрым движением сумку и устала гневным взглядом на сына:

– Я пойду в магазин и куплю нам салата и котлет. Когда я вернусь, чтобы ничего не напоминало мне о том, что сейчас было. Змею, змею на груди вырастила... Ты меня понял?

«Болонка и лев... Болонка и лев» – проговорил про себя Иван Васильевич, чтобы придать себе духу. Он был почти сломлен. Затем хотел вспомнить бабушку, но перед ним всплыло лицо священника. «Жизненно необходимо выставлять свои жалкие силенки напоказ лишь слабому, а потому и нечестному – мол, вот я какой, не напади на меня!» Да, подумал Иван Васильевич, как можно не заметить? Тот лишь, кто нечестен, вынужден защищать видимость своей честности.

Иван Васильевич спокойно встал, взял из рук матери сумку и бросил ее в угол дивана. Потом подошел к двери и закрыл ее своим телом.

– Нет. Ты никуда не пойдешь. Всё зашло слишком далеко, – сказал он твердо и без тени сомнения.

Мать осела на кресло.

– Ванюша!.. – заныла она вдруг. – Что же случилось?.. Почему, родненький, мать так не уважаешь?

– Я уважаю тебя, мама. Что ты сделала бабушке?

– Это она, она! Она всю жизнь хотела смерти моей! Она изводила меня! Она стояла надо мной, закрывая солнце!

– Что ты сделала бабушке? – тон сына был сух и бесстрастен.

– А ты знаешь, – ядовито вдруг заметила мать, вытянув палец вперед, – знаешь, что она однажды сделала? Когда я была маленькой, года три мне было, она потеряла меня в городе! Одну, в огромной Москве! Я три дня сидела в милиции! Ты представляешь, каково это было мне, трехлетней девочке?! Я все глаза выплакала! А ты обвиняешь меня.

– Мама. Меня не интересует, что сделала бабушка. Что ты сделала бабушке?

– Я... А ты знаешь, – она встала и хотела было пойти к двери, но Иван Васильевич посмотрел на нее так, что она приросла к полу, – знаешь, что она однажды затопила нижний этаж? Как можно быть такой бесхозяйственной и безалаберной? Устала она, видите ли, и забыла закрыть кран! Посмотрите на нее, бедную!

Яд просто-таки изливался из ее перекошенного судорогой злости рта.

– Мы не покладая рук работали, чтобы возместить ущерб! Горбатились из-за ее забывчивости. Такое можно забыть, а?!

Иван Васильевич вспомнил тот случай. Он не стоил и выеденного яйца. На побелку потолка соседней снизу добавили четыре рубля, причем сделал это Иван Васильевич из своего кармана. Из уст матери лилась отвратительная, низкая ложь о покойнице. Причем интересно было то, что мама обычно была человеком очень правдивым.

– Мама, я еще раз спрошу тебя именно то, о чем спрашивал. Что ты, именно ты сделала бабушке? Что плохого ты ей сделала?

– Какая разница? Ну, какая тебе разница, скажи мне? Что ты лезешь не в свои дела? Ну, если я ей что-то и сделала, то что? Что ты прицепился ко мне? Оставь в покое маму, она умерла и все унесла с собой. В конце концов, о покойниках нельзя говорить плохо!

«Это уж точно!» – усмехнулся про себя Иван, вспомнив недавние сентенции матери.

Ираида Сергеевна тем временем слегла на заправленную постель, положила руку себе на лоб, страдальчески закрыла глаза и изобразила отвергнутую родными, несчастную умирающую старую женщину.

– Мама, расскажи мне. Пойми – я знаю, что что-то произошло, и если тебе настолько не хватает душевных сил высказать это, то вряд ли мое мнение о тебе станет лучше, чем уже есть. Конечно, это только мнение о ваших отношениях с бабушкой. Но если ты сможешь сказать мне о причине столь великих трений, что будет, без сомнения, нелегко, я увижу перед собою человека, что может превозмочь нечестность, чтобы честь расправила крылья. И тогда сердце мое переполнит гордость за то, что этот очистившийся белый ангел – моя мать.

Пока он говорил, мама повернула голову и смотрела на сына усталыми глазами. Спеси в ней заметно поуменьшилось.

– Сынок, я не знаю, зачем тебе это. Шел бы ты лучше заниматься этими беседами со своими пациентами. Но чтобы тебе было легче – конечно, и я не безгрешна. Конечно, и я грешила, бывало, против мамы. Но к чему теперь ворошить старое?

– Мам, что конкретно ты сделала?

– Бывало... Однажды я испортила маме суп. Я не знала, что она уже его посолила, пришла на кухню, сняла крышку с кастрюли и, не пробуя, посолила снова. Пришлось вылить... – она вздохнула, – Ну вот, теперь ты знаешь всё.

– «Ну конечно», – подумал Иван Васильевич, который уже вошел в роль и перестал потеть перед каждым вопросом.

– Что еще, мама?

– Что у вас там за способы лечения такие? Сынок, поверь, ты ошибаешься. Ты же не профессиональный психотерапевт. А я вот слышала по телевизору...

– Мама, меня не интересует телевизор. Что ты сделала?

– Ну что, что. Мало ли что? Однажды накричала на нее.

«Ага, однажды» – заметил себе Иван Васильевич. Ему уже начинал нравиться этот фарс. Он прекрасно понимал, что его пытаются водить за нос. Иван Васильевич уселся поудобнее в кресло и стал крутить в руках пульт от телевизора.

– Мама, давай так. Меня не интересует, что ты сделала полгода назад или как ты сломала бабушке спичку. Меня интересуют времена гораздо более давние, чем моя юность. Итак, что ты сделала бабушке?

В глазах матери промелькнула тень, уголки губ опустились.

– Ладно... Возможно, тебе стоило сказать, когда ты был еще маленький... Ты понимаешь, – начала она сбивчиво, привстав на кровати и задумавшись, – ты знаешь, как ребенку трудно сказать кое-что из семейной жизни, и каково матери выставить себя ребенку в столь... поганом свете. Но, видимо, настало время сказать.

– Понимаешь... Ванюша, извини меня, грешную, но... твой отец – на самом деле не твой отец.

Иван догадывался об этом. В группах крови матери, отца и самого Ивана Васильевича, когда он случайно посмотрел на какие-то медицинские документы, было что-то несовместимое. Иван хотел расспросить маму об этом, но руки не дошли, и годы назад это безвозвратно забылось за неактуальностью и грузом совершенно иных жизненных проблем. Но призраки прошлого восставали из склепов, гремя ржавыми цепями.

– Когда мы были уже знакомы с твоим папой, то есть ненастоящим папой, Василием Ильичем, царствие ему небесное, я поехала по молодежной путевке в Югославию. Походив там по знаменитым пещерам и случайно отбившись от группы, я переночевала в деревеньке из десяти дворов, у одного одинокого югослава. Мужчина он был хоть куда, девушкой я была бедовой, и тогда-то все и случилось.

Этого бородатого мужчину я покинула ранним утром, когда меня нашла местная милиция и любезно довезла на советском УАЗике до заплаканного, кусавшего локти экскурсовода. Больше мы никогда с этим мужчиной не виделись, не переписывались и не разговаривали. Да не очень-то и хотелось. Кто он мне... Через месяц я вышла замуж за твоего псевдоотца, а бабушка твоя... Она хотела, чтоб я тебе все рассказала. А я ей пригрозила, сказала, что если она тебе расскажет, я всю шкуру спущу и со внуком видеться не дам. Судя по всему, она и не рассказала.

Вдруг на лице матери появилась слабая улыбка.

– Словно камень с души спал!.. Ванюша, подумать только, я носила эту тайну в себе все эти годы!

Внутри Ивана Васильевича, за легкой, едва заметной улыбкой, взрывался и неистовствовал салют радости! Он добился своего! Он сделал это! Он победил болонку, сидящую внутри льва! Теперь жизнь – впереди, а не позади. И осталось только разобраться с наследством.

– Мамуль, ты лучшая мама на свете! – подошел он к матери и обнял ее. – Теперь все будет хорошо. Мне тоже стало гораздо легче. У меня к тебе одна просьба. Там надо поставить несколько подписей на наследстве бабушки, Дмитрий Петрович еще в городе, ждет.

Этими словами Иван Васильевич включил тумблер запуска боеголовок.

Лицо матери мгновенно изменилось – пошло красно-белыми пятнами, руки затряслись, рот оскалился, обнажив желтоватые с пломбами зубы.

– Да, поссорить меня с сестрой решила! Ничего, ничего не буду подписывать, пусть черти ее по небесному Суду затаскают! Лучше бы не смеялась, а просто написала, что все отдаю любимой Леночке, а Ираида пускай идет к чертям собачьим! Но нет же – надо было и после смерти нагадить в душу!

«Та-ак...» – подумал Иван Васильевич, бессильно опускаясь в кресло. – «Тут есть что-то еще». Но апатия прошла через секунду.

– Мама, мы продолжим с тобой наш милый разговор. Что еще ты плохого сделала бабушке?

– Изверг ты, вот ты кто! – вскричала вдруг мать на него, – Что ты еще от меня хочешь?! Я тебе искренне, честно, от души призналась, не думая о последствиях и предательстве, а ты хватаешь меня за самое больное место! Что ты хочешь? Я все сказала! Я не помню больше ничего! Не помню, понятно? Что, по-твоему, еще могло быть? Не было больше ничего! Не помню! Отст...

– Что ты сделала?

Вдруг мама мгновенно, без предупреждения замолчала. Рот ее округлился, в глазах, смотрящих куда-то внутрь, засветилось удивление. Она медленно присела на кровать, прикрыла рот ладошкой, посмотрела на сына и вдруг тихо, сама с собой засмеялась. Не зло, не ядовито, а смущенно, словно девчонка, которой красивый мальчик предложил поцеловаться. Иван Васильевич не знал, что и сказать.

– Я вспомнила!.. – сказала она через полминуты, явно удивляясь этому обстоятельству не меньше Ивана Васильевича.

– Очень хорошо, мамочка! Что вспомнила-то?

– Что? Не скажу! – и она снова захихикала, закрыв рот ладошкой и задорно сверкнув глазами. – Не скажу, даже не проси!

Ивану Васильевичу уже стало интересно.

– Ну, давай же, мама, – весело он подошел к ней и сел рядом, улыбаясь, – я же ради этого тебя и спрашивал. Что ты вспомнила?

– Нет, нет, даже речь не веди! – мама хихикала. – Не расскажу, и все тут!

Оба прекрасно знали, что расскажет.

После пяти минут мягких подталкиваний сына мама рассказала совсем не смешную историю.

После истории с югославом мама, девушка честная и совестливая, призналась маме и мужу о содеянном. Ираида хотела сделать аборт. Муж и мама, потрясенные, но простившие дочку, были против. И на время переубедили. В течение пяти месяцев маленький Ванюша рос-подрастал в округлившемся животике, и счастливые бабушка и муж, уже давно забывшие все огрехи мамули, ходили вокруг беременной кругами, пытаясь угодить во всех мелочах.

Однажды темной ночью словно дьявол вошел в разум Ираиды. Она встала, на цыпочках прокралась по поскрипывающим половицам в ванную, по пути схватив с журнального столика спицы. Включила свет, села на край ванны, спустив ноги внутрь, включила воду и стала аккуратно погружать спицы в матку. Оттуда потекла какая-то мутная водица, смешанная со сгустками крови.

Бог отвел беду. Через минуту в незакрытую дочкой дверцу вошла разбуженная мать и закричала. Ираида, сидевшая на дне ванны и истекавшая маточной кровью и кровью того, кто внутри, тяжело встала и прохрипела:

– Не трожь! Я его породила, я его и убью! Не подходи!

Илиона Пафнутиевна, без ума от потрясения, вошла в ванну и попыталась схватить дочь за руки, поднять ее, но Ираида оттолкнула мать, застонала, оперлась окровавленными руками о край ванны и привстала.

– Не трогай меня! – закричала она еще раз страшным, чужим голосом, но мать продолжала, тихонько скуля, пытаться схватить дочь за руки. И тогда Ираида в беспамятстве взмахнула рукой, в которой блеснули острые стальные спицы, и несколько раз с силой ударила мать, не целясь. В первый раз спицы попали матери в грудь, немного повыше сердца, второй раз прочертили рваную полосу по коже в районе левого виска. Затем, когда Илиона Пафнутиевна постаралась защититься, дочь три раза ударила ее в руку, закрывающую лицо.

Тут снова закричала Илиона Пафнутиевна. Проснувшийся во время этой короткой схватки муж прибежал в ванну, вырвал спицы из рук Ираиды, вытащил мать из ванны. Ираида качнулась, из последних сил удержалась, но потом все равно мешком свалилась на пол, подскользнувшись на почти черной загустевающей крови, и потеряла сознание.

Скорая приехала через двадцать минут и забрала Ираиду. Мать, спрятавшись от врачей в соседней комнате, в больницу ехать отказалась. Раны ее были болезненные, но неопасные для жизни – важные органы и артерии задеты не были. Однако и они были делом подсудным. Не желая дочери мер со стороны правоохранительных органов, она сама, пока сын разбирался с врачами, наложила себе чистые повязки на сочащиеся и саднящие раны.

Ребенок выжил, но никогда, никогда ни мать, ни бабушка и не заикались о том, что произошло, и Иван Васильевич понимал, почему. Это было слишком. Это было уже слишком.

Сидя теперь, в объятиях сына, на кровати и вздыхая, Ираида Сергеевна заканчивала свой рассказ спокойным голосом.

– Не в силах принять на себя такую ответственность, я просто сказала, что все это произошло по вине матери. Притянула оправдания, подтасовала сама для себя факты – и получила в голове прекрасное событие, которое никогда не происходило. А потом... А потом я его благополучно забыла. Так, наверное, было проще. Сынок, как мы теперь будем жить, когда я сделала такое?

Иван смотрел на маму, и на его глаза наворачивались слезы. Никогда в жизни он не любил свою маму так, как сейчас. Мама, белый ангел, преодолевая последние силы, смогла стряхнуть с себя липкую грязь лжи, и ее крылья, ослепительно белые, воспрявшие и зовущие в полет, излучали священное сияние.

– Сын, давай-ка мы проводим маму в последний путь. Я не искуплю того, чем виновата перед ней, но хотя бы в этот последний раз я скажу ей, неслышащей, как я ее люблю... Ты говорил, надо что-то подписать?

Прошло три года, и больше никогда Иван Васильевич не слышал от матери никаких выпадов в отношении бабушки. Как по волшебству, у мамы пропала болезнь сердца, которая мучила ее рецидивами с момента рождения ребенка. Мама говорила, что такая же точно проблема была и у Илионы Пафнутиевны, но болезнь не передавалась, пока не родился сын. У Ивана Васильевича появилось теперь новое видение этого чудесного исцеления, но матери он не говорил. Пусть будет как будет. Теперь боли в сердце не появятся снова.

Жизнь вошла в свое русло, но, отдыхая каждый год летом в уютном белорусском садике вместе с мамой и тетей, он неизменно вспоминал бабушку – уж очень были вкусны наливные яблочки, возвращенные трудолюбивыми ее руками.

Человек, у которого не было проблем

Однажды в контору позвонил один инвалид, человек, у которого не было обеих ног. Он рассказал, что живет в Шатуре, в собственном доме, и имеет некую интимную проблему, о которой жаждет рассказать психологу и получить консультацию. Намекнув, что средства у него есть, человек попросил Ивана Васильевича об услуге изувеченному человеку – приехать к нему.

Иван Васильевич слушал трубку и внимательно осматривал потолок с неизвестной ему самому целью. С одной стороны, плата за консультацию будет, скорее всего, больше – пациент, видимо, с достатком. С другой стороны – к пациенту на дом Иван Васильевич еще не выезжал.

Наконец он принял решение. Решительно сказал пациенту, что завтра будет.

Валя, сидевшая подле мужа и пришивавшая пуговицу на брюках, сразу забеспокоилась.

– Ваня, мало ли что – а вдруг мошенник какой? Сейчас вон что пишут, девушек на дороге похитили и отвезли, завернутых в ковры, куда-то на Восток, в рабство. Стоит ли рисковать?

– Полно тебе, Валюш, – сказал Иван Васильевич, ставя кружку в мойку после выпитого чая. – Какую пользу похитителям принесет мужичок тридцати пяти лет без накоплений и особых физических возможностей? Разве что буду подпольным психологом бандитской группировки, – он улыбнулся и представил себя в этой роли.

– Зато, Валюша, мы наконец-то купим тебе велосипед. Пошли, спать пора. Все будет хорошо.

Валя вздохнула и сдалась.

На Казанском вокзале была толчея. Простояв пятнадцать минут в очереди и купив билет, Иван Васильевич стал оглядываться через головы людей в поисках нужного пути. Вокзал пропах человеческим потом и смазкой, и, пробиваясь сквозь тела в серых пальто, Иван Васильевич чувствовал себя уголовником, ищущим путь на нары.

Наконец, с потоком людей пройдя через заслон киосков и череду рук попрошаек, Иван Васильевич вышел на воздух, на перрон. Световое табло прямо перед ним говорило, что состав на Шатуру направляется через двадцать минут с этого самого пути. Хотелось погулять после душной атмосферы вокзала, но Иван Васильевич все же передумал и пошел к электричке – ему не мечталось о поездке в тамбуре вместе с компанией выпивающих бичей.

Ему повезло – в вагоне оставалось еще немного свободных мест. Иван Васильевич признал, что сравнение вагона электрички с нарами недалеко от идеала – покрашенные коричневым цветом лавки из толстой фанеры были исписаны различными надписями с точными указаниями, кто это написал и в каком году.

Иван Васильевич положил сумку на решетку сверху и сел на наиболее, как ему показалось, цивилизованное место – напротив двух бабушек, мирно разговаривающих друг с дружкой.

Вагон наполнялся. К Ивану Васильевичу подсели подросток с футляром от гитары и представительный мужчина при галстукке. И когда поезд уже тронулся, на последнее место, рядом с Иваном Васильевичем, упал довольно неприятный субъект. Он что-то негромко бубнил себе под нос, жестикулируя, доказывая что-то самому себе и тут же опровергая это собственными же аргументами.

Мужчина был средних лет, и непонятно было, из какой он среды – одет в относительно хорошую одежду, но с несколькими грязными коричневыми пятнами на пиджаке. Вроде

чистый – но какой от него запах! Бабушки, фыркнув и поворочав глазами, встали и вышли. Представительный мужчина придвинулся ближе к стенке и всем своим видом показывал, что субъекта он не замечает, но выдавал себя тут же, так как слишком пристально смотрел в окно. Обстановка сделалась напряженной.

Иван Васильевич продолжал сидеть как сидел – выходить и торчать все время стоя, качаясь на поручне, ему не хотелось. От незнакомца веяло сумасшествием. Не опасностью – он был не опасен. Именно сумасшествием. И только очередной бродячий продавец, стоя около входа в вагон, пожелал пассажирам счастливого пути и стал предлагать новую модель стеклореза, незнакомец обратил свое внимание на Ивана Васильевича.

– Вот вы, молодой человек. Как представитель самобытнейшей творческой интеллигенции, я, россиянин в седьмом поколении, хочу спросить вас – где наша страна? Где? И прежде чем вы ответите, я вам возражу. Да, да, молодой человек, возражу! Я не буду восхвалять под видом чистой демократии, знаете ли, господство империалистической буржуазии! Я всегда повторял слова нашего бессменного вождя – нужно укреплять диктатуру пролетариата как базу мировой пролетарской революции! Да! И не говорите, что Троцкий и Бухарин, эти контрреволюционеры, не играли на руку империалистам!

Иван Васильевич совершенно точно не собирался этого говорить. Субъект продолжал, гнусая и жестикулируя, словно стоял на трибуне митинга.

– Но я вам скажу, поверьте! Мои деды пахали эту землю, мои прадеды ходили к царям с челобитными, и я продолжал и продолжаю разоблачать провокаторскую деятельность и хищнические планы оппортунистов! Вот вы, молодой человек, скажите, разве нынешняя политика новых меньшевиков не потакательство буржуазной демократии и не контрреволюционный мятеж?

Иван Васильевич постарался не ввязываться в разговор, по форме политический, но по содержанию совершенно безумный, но тип в пиджаке настойчиво повторил вопрос. Иван Васильевич нехотя повернул голову. Красные глаза в прожилках мутно смотрели на него.

– Если у Вас проблемы, не лезли бы к окружающим, – Иван Васильевич с напускным антагонизмом пробормотал заранее провальную фразу.

– Ха! – Субъект смачно хлопнул себя по ляжкам и подпрыгнул на месте, словно хотел сплясать гопака, – А у меня нет проблем! У меня все замечательно! Все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо!

– Ну конечно. Вон, посмотрите на свой пиджак – хотя бы пятна на нем оттерли, прежде чем в общественный транспорт садиться.

– Ха! А это не мои проблемы! Как бы не так, я пою и танцую, сердце мое бьется музыке в такт! – Субъект продолжал музицировать.

Иван Васильевич вдруг обозлился. Почему он должен сидеть с этим спятившим фанатом? Да еще и воняющим какой-то дрянью против моли?

– Знаете что – Вам бы вообще проветриться не мешало!

– А мне хорошо! Где мои проблемы? Я свободный человек – ем что хочу, гуляю где хочу.

– То-то оно и видно, – съязвил Иван Васильевич, а сам подумал – чего я вообще с ним болтаю? – Вы на себя посмотрите – Вам жить-то есть где?

– Молодой человек! Даже такой великий человек, как Сократ, жил в бочке, а Вы говорите – жить! Поля и леса родимой страны – вот моя квартира! Вот где я счастлив!

– Да вы даже не представляете себе, что значит быть счастливым! Скажите – за что вы несете ответственность? Что вы приносите в этот мир?

Кажется, ситуация начинала поворачиваться в обратную сторону. Теперь Иван Васильевич, пытаясь что-то доказать сумасшедшему, выглядел как своего рода фанат – кулаки сжаты, в глазах – праведный гнев и огонь видимой только ему истины.

Сумасшедший, кажется, встретил такое общение впервые – он вдруг посерьезнел и стал, как ни странно, отвечать именно на тот вопрос, который ему задали.

– А зачем мне ответственность? Я человек маленький, жена и дети – не для меня, они – преграда, тернии на моей дороге просветителя заблудших толп, что закабалены в эпоху империализма! Светоч должен пылать!

Иван Васильевич позавидовал его красноречию.

Тем временем состав подошел к Люберцам.

– Что, хочешь весь мир изменить, да? – Поинтересовался с усмешкой Иван Васильевич у сумасшедшего. – Многие до тебя пытались, да только их подвиги смех вызывают. Теперь ты скажи – как ты собираешься мир изменить?

– Партия – мой верный друг и соратник! Партия – ведущая сила, вдохновляющая на подвиги миллионы и ведущая руководство по подготовке революционного мятежа! Она, как птица Феникс, восстанет из пепла и могучей грудью раздвинет препоны империалистических зазывал!

– Так, понятно, партия значит! Твоей могучей грудью, что ли? Ну что? Какова твоя личная ценность?

Сумасшедший немного растерялся и поводил глазами. Подошедшая мороженщица с обтянутым металлической фольгой коробом предложила Ивану Васильевичу и нашему субъекту пломбир, но они оба даже не заметили ее. Оба сидели напряженные, сжав кулаки и немного подавшись вперед, словно желая взять противника на таран, возможно, ценой собственной жизни.

– Я светоч светлых идей коммунизма, – повторил он с гордым видом, ударив себя в грудь, – Я несу честному пролетарскому народу просвещение, говоря о том, что вы, с вашими закабаленными империализмом умами...

– Светоч, посмотри на себя! Ты не можешь даже вписаться общество, семью, не можешь взять ответственность даже за себя самого – в какой помойке ты копался?

– Это та помойка, в которую вы, контрреволюционные интервенты и оппортунисты, превратили процветающую страну молодого пролетариата, смотрящую вперед в светлое будущее!

Иван Васильевич заметил, что речь сумасшедшего похожа на конструктор, в котором он из кубиков слов, причем одних и тех же, собирал разные постройки, далеко не всегда эстетичные и логически выглядящие. Он вспомнил Остапа Бендера, предложившего свой «зубовный скрежет» активисту-журналисту, и подумал, что Ильф с Петровым, наверное, тоже встретились с подобным типом где-нибудь в первой советской электричке.

– Да, именно помойка! Каких людей ты хочешь вести вперед – своих собутыльников и соседей по вокзалу? Посмотри на свой пиджак хотя бы – пробовал отмыть?

– Мой пиджак сшит на пролетарской фабрике, носящей гордое народное имя «Большевичка», и я горжусь этим, – он снова потряс корявым пальцем, – слышите, горжусь этим пиджаком, и я горжусь моим народом, выпестованным революцией! И не променяю этот пиджак даже на два пиджака грязных фабрик загнивающего капитализма, где несчастных восьмилетних детей, работающих за крошки хлеба, обессиленных и стонущих от усталости и жажды, полумертвых оттаскивают от станков...

– Да оставь ты в покое детей! Посмотри на пятно, вот видишь? Пятно на твоём рукаве! Сумасшедший посмотрел на пятно.

– Ты можешь взять ответственность хотя бы за него? За это маленькое, несчастное, желтое пятнышко – хотя бы его ты можешь увидеть? Посмотри на него – вот оно, у тебя на левом рукаве, – хотя бы оно в твоей счастливой жизни подвластно тебе?

Сумасшедший смотрел на пятнышко размером около сантиметра. Светло-желтое, словно это песок впитался в грубую коричневую ткань. Его выражение лица вдруг сгла-

дилось, стало немного удивленным. Он медленно поднял голову и, слегка приоткрыв рот, посмотрел на Ивана Васильевича и единственного оставшегося спутника – парня с гитарой, равнодушно смотревшего в окно. Потом обвел взглядом вагон, а потом снова, не говоря ни слова, перевел взгляд на пятнышко. Дрожащей рукой он прикоснулся к нему и чуть поскреб ногтем. Снова перевел растерянный взгляд на Ивана Васильевича и извиняющимся тоном произнес:

– У меня... У меня пятно на пиджаке. Пиджак-то грязный. Простите... – он поднялся и вышел в тамбур, откуда вернулся через минуту и снова удивленно сказал: – Пятно на пиджаке у меня.

Но теперь на его пиджаке было не пятно, а некрасивой формы потемнение – сумасшедший, видимо, где-то в тамбуре отыскал воду.

Иван Васильевич терпеливо ждал, не понимая, куда завел его этот дурацкий спор. Господи, подумал он, скажу кому, что спорил с сумасшедшим, – засмеют.

– Простите, а куда я еду? – тон голоса сумасшедшего переменился, он стал очень растерянным и дрожал. Да и сама фигура его не выражала уверенности – он еле справлялся с качкой вагона, обоими руками при этом держась за поручень на спинке скамьи.

– Поезд отправляется в Шатуру, молодой человек, – язвительно заметил Иван Васильевич, но сразу понял, что издевка была неуместна.

Глаза человека выразили замешательство.

– Господи, а что я собираюсь делать в... Шатуре?! – сдавленным голосом произнес он, – А что... А Вы вообще кто?..

Он еще несколько секунд посмотрел вокруг, словно обнаружив себя внезапно проснувшимся совсем не в той обстановке, в которой засыпал, и ни слова более не говоря, покачиваясь вышел в тамбур. На следующей станции, посреди полей, он покинул поезд.

Ауди, черная, как пантера, мягко подкатила к поезду, когда Иван Васильевич появился в дверях вагона. Свежий ветер кинул ему в лицо пригоршню воздуха, и Иван Васильевич снова почувствовал себя человеком. Он подошел к Ауди, которая и оказалась машиной его пациента. Сам пациент, человек в дорогом черном костюме, производил впечатление действительно уважаемого человека – белоснежный платочек в кармане, бриллиантовая заколка в петлице, запах недешевого одеколona. Все очень дорого и стильно. Салон автомобиля был обит черной кожей.

Иван Васильевич сел и приятно расслабился после условий электрички.

– Спасибо, что встретили. Надеюсь, Ваша семья примет меня так же хорошо, как и Вы.

Хозяин авто нахмурился, словно вопрос Ивана Васильевича был назойливой мухой, пролетевшей перед его лицом.

– Давайте условимся. Я хотел поговорить с Вами о моих работниках. Я человек одинокий. С семьей у меня проблем нет.

Стена

Этот звонок в самом начале рабочего дня испортил Ивану Васильевичу все настроение. Он знал, что помогает так, как следует, в аккурат и безукоризненно, далеко не всем пациентам. Но чтоб ему напоминали об этом, да еще в таком тоне? Нет уж. «В следующий раз скажу стандартную фразу, мол, Вы пришли ко мне слишком поздно, и не буду принимать», – решил Иван Васильевич.

В кабинете было довольно мрачно – слякотный день начала ноября давал серый, просачивающийся сквозь жалюзи грязным талым снегом свет. На окнах блестели капли влаги. Иван Васильевич нервным злым движением повернул белый цилиндрок, и жалюзи схлопнулись, отгородив кабинет от беспокойного внешнего мира.

Сегодня следовало написать официальное письмо одному из давних партнеров Ивана Васильевича – в общество «Жизнь после иглы», объединявшее бывших наркоманов, все еще надеющихся на реабилитацию. Иван Васильевич сел, положил перед собою листок с собственным вензелем сверху, но так и просидел пять минут, уставившись в одну точку где-то внутри своей головы. Чертов пациент. Иван Васильевич начинал чувствовать себя виновным, а он этого не любил. Потому что начинал чувствовать долг.

Около недели тому назад по объявлению в газете пришла женщина, которая привела с собою мужчину. Женщина явно была бизнес-леди, что потом и подтвердилось – стильный серый пиджак, подчеркивающий тонкую талию, отглаженная серая строгая юбка до колен, изящный неброский маникюр на ногтях и уверенный, волевой, но не нахальный взгляд. На пиджаке был прикреплен какой-то значок, скорее всего логотип фирмы.

Мужчина, ее муж, был одет также небедно, но на бизнесмена был не похож. Первую минуту Иван Васильевич не мог понять, почему, но потом отметил одну деталь: глаза мужчины не смотрели на него прямо. Когда говорил не он, его взгляд тускнел и начинал прятаться где-то в потемках его мятежной души. Когда же говорить ему все же требовалось, глаза немного бегали по сторонам, лишь изредка боязливо останавливаясь на визави, словно боялись обжечься. Голос, тем не менее, был поставлен, в нем слышалась многолетняя практика руководства.

Женщину звали Марина Алексеевна, а мужчину – просто Иосиф, он не захотел, чтобы его величали по отчеству. Послушав консервативное вступление женщины о том, что было бы очень здорово поговорить с ее мужем, Иван Васильевич кивнул и пригласил мужчину присесть к его столу. Марина Алексеевна все поняла и удалилась в приемную, а мужчина словно осиротел и неуютно поглядел по сторонам.

Вот что он рассказал, пряча свой взгляд.

– У меня эта проблема уже два года, с тех пор, как я попал в аварию на моей машине. Ехал по Кольцевой, водитель впереди меня не включил поворотник, вытеснил меня при обгоне. Меня развернуло и вышвырнуло на противоположную сторону, несмотря на барьер по разделительной полосе. Я не буду Вам это рассказывать, это не суть...

Я был крупным руководителем строительной фирмы «Генезис», директором отдела маркетинга, жена моя – директор связей с общественностью. По роду работы своей мне приходится общаться с чиновниками всех мастей, конкурирующими компаниями, пиар-агентствами, даже прокуратурой и налоговиками... Работа нервная, хотя я успешный... был успешным, пробивным человеком. Случаются и неудачи: убытки больше планировавшихся, купленные СМИ, сегментация рынка меняется, нарушение сервисных гарантий... много превратностей. Имидж компании, собственно, частично был на мне. Но я никогда не унывал и наверстывал упущенное на следующем проекте.

Травма от аварии была невелика – несколько ушибов на ногах. Через несколько дней я восстановился и вернулся на пост, доверенный мне. Предстояла важная встреча – вернулся в строй один наш подрядчик, компания по косметическому ремонту, и нужно было в общих чертах уладить смету, сроки и пожелания управы района. Обычная, ежедневная работа, давно знакомые люди.

Сели в кафе, достали ноутбуки и поговорили. В один момент подрядчик начал продвигать свою линию, нестандартную, «основанную на своем видении ситуации». И тут я перестал слышать...

На меня накатила волна печали и безысходности, и перед мысленным взором отчетливо стала стена. Эта стена, как сейчас помню, была кирпичная. Кладка грубая, цемент крошится между темными грязными кирпичами. От нее отвратительно воняло. Откуда-то сверху тонкой грязной пленкой стекала вода. На стене была свежая поросль какой-то зеленой водоросли, липкой и неприятной.

Иосиф на минуту замолчал, лицо его сморщилось, руки неосознанно потерлись о брюки, словно пытаюсь брезгливо смахнуть грязь. Видно было, что ему нелегко дается рассказ.

– Она была столь реальна, что стала для меня тогда реальнее самой реальности... Я не мог противиться и вяло согласился с подрядчиком.

Иосиф жалко посмотрел на Ивана Васильевича.

– Сделка оказалась, конечно, невыгодной. Гендиректор сделал мне устный выговор, и я легко отделался – мне сделали поблажку из-за «шока» после аварии. Но... у меня не было шока. Была стена.

Четыре дня прошли как обычно. Я, как прилежная канцелярская крыса, разбираю накопившиеся завалы документации, чувствовал себя отдохнувшим и готовым к новому бою. На пятницу была назначена моя беседа с префектом Северо-Западного района по поводу размещения в строящихся домах федеральных комсетей. Мы пошли в префектуру с женой, эти вопросы находятся в нашей общей юрисдикции.

Префект был очень мил и вежлив, но он затронул тему встроенной инфраструктуры, которая, как нам казалось, была давно окончательно утверждена. Марина рьяно бросилась в атаку против дополнительного магазина, а я сполз на стуле. Передо мною снова стояла стена – подгнившая, истекающая слизью нечистот, смешанных с землей.

Вот тут я испугался... Жена вытянула дело, извинившись за меня.

Я взял отпуск за свой счет. Сходив к первому из моих психологов, я узнал, что мне надо развеяться, съездить на курорт, пофлиртовать с девушками. Проигнорировав последнее, я поехал в Баден-Баден, дабы провести там в отдыхе и неге месяц. Однако на второй день приезда получил сопротивление от старой дамы, что торговала на углу цветами. Я предложил хорошую цену на букетик для гостиной моего номера, а она принялась торговаться. Передо мной, потерявшим всякую опору, снова стояла стена. Высасывая последние силы, впихивая в меня всё горе и отчаяние мира, она упала и прижалась ко мне, так, что я ощутил руками маленькие тельца невидимых слизняков-червей.

Очнулся я в номере – с обдерганными жалкими цветами, крепко сжатыми в кулаке, и без бумажника в пиджаке, который, вероятнее всего, сам отдал настырной торговке.

Я старался скрыться от тех ситуаций, в которых имелась возможность проиграть – но в итоге просто ушел от жизни. Не было места на земле, которое спасло бы меня от стены, поскольку где укроешься от самого себя? Что бы я ни делал с тех пор – минимум раз в два дня передо мной стоит это отвратительное строение, и с каждым разом оно все более реально.

Вы – четвертый человек после знаменитого буддиста, лучшего медика и светила психологии, к которому я пришел... А точнее, уже привела жена... – с горечью добавил он.

Иван Васильевич посмотрел на сжавшегося в комок человека, и его сердце сжалось в такой же хлипкий комочек плоти.

– Я хочу, чтобы вы мне очень подробно рассказали, что вы видите, когда видите стену.

– Хорошо. От нее веет страданием и ужасом одновременно... Это не просто предмет, воспоминание или галлюцинация! Это просто ящик Пандоры нечеловеческих по силе темных эмоций!

Выглядит стена просто как обычная кирпичная стена. Грубые коричнево-красные кирпичи неаккуратно скреплены кучковатым бетоном... – Иосиф прикрыл глаза, – Видимо, ей не очень много лет, так как я вижу какую-то зеленую поросль типа мха, узкой пленкой покрывающую щербатую поверхность в тех местах, где сочится вода с могильным запахом. Это словно склеп... Сейчас так не строят, я уж это дело знаю.

– А когда так строят? – спросил Иван Васильевич, пытаясь найти хоть малейшую зацепку или ниточку логики в болезни пациента.

– Ох, не знаю... Году этак в девятьсот девяносто четвертом... Почему я так сказал? Я такого не изучал.

Иван Васильевич лишь развел руками и попросил продолжать описание.

– Не знаю, откуда я это сейчас узнал, но стена была построена Каролусом... Карлом Великим. Франки. При чем здесь франки? Я никогда не использовал франки. Что я вообще говорю такое? – разозлился вдруг Иосиф.

– Вытеснение, – авторитетно сказал Иван Васильевич термин, значение которого сам практически не знал. Надеялся, что не знает и пациент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.